БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

ВЕЛИКАЯ СѢВЕРНАЯ ВОЙНА

Россіи со Швеціей

(1700—1721 г.).

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ШКОЛЪ И НАРОДА

Д. И. Тихомирова.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЮНАЯ РОССІЯ“.
Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА — 1909.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

ВЕЛИКАЯ СѢВЕРНАЯ ВОЙНА
Россіи со Швеціей
(1700—1721 г.).

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ШКОЛЪ И НАРОДА

Д. И. Тихомирова.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЮНАЯ РОССІЯ".
Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

МОСКВА — 1909.



Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.



Петръ Великій.

Необходимо добыть морской путь для торговли.

„Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“,—говорили наши предки болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, когда призывали заморскихъ князей владѣть и править Русью. Порядки стали понемногу устраиваться, но народъ жилъ бѣдно.

Велико и обильно природными богатствами Московское царство, но втуне лежатъ эти неисчерпаемыя богатства: не умѣетъ русскій человѣкъ пользоваться щедрыми дарами природы и живетъ попрежнему скудно. Видѣлъ это и зналъ великій государь Петръ Алексѣевичъ (болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ) и твердо рѣшилъ оживить свой народъ, пробудить его отъ многовѣковаго сна, поставить на новый путь—отъ нищеты къ богатству.

Надо научить и заставить народъ изобильно добывать природныя богатства изъ нѣдръ земныхъ, изъ дремучихъ лѣсовъ непроходныхъ, изъ рѣкъ и озеръ многоводныхъ, добывать всякое сырье, обрабатывать его въ товаръ и съ прибылью продавать и у себя дома—по всей Руси, и въ чужеземныя

страны. Промыслы приносятъ народу богатство, торговля оживляетъ и умножаетъ промыслы и на путяхъ своихъ роняетъ золото повсюду.

Внутри своей земли торговля поведется по рѣкамъ и грунтовымъ дорогамъ, нужно только улучшить и умножить эти пути. Торговлю съ иноземцами можно вести только по морскимъ путямъ. Но какъ поведешь торговлю по морямъ, когда приморскихъ земель двѣсти лѣтъ тому назадъ у насъ почти не было, и морскіе пути-дороги для насъ были заперты, а свободно ѣздили по нимъ только иностранцы, скупали у насъ задешево наше сырье и продавали намъ задорого свои товары заморскіе.

Четыре моря лежатъ близко къ окраинамъ Русской земли — Бѣлое море, Каспійское, Черное съ Азовскимъ и Балтійское.

Студеное Бѣлое море замерзаетъ на три четверти года, лежитъ оно въ пустынной странѣ и путь къ нему дальній и трудный; далекъ и труденъ по немъ путь и въ чужеземныя торговыя страны.

Великая Волга-рѣка приведетъ въ Каспійское море-озеро, но выѣхать изъ него некуда, а по берегамъ его лежатъ мертвыя азіатскія страны.

Азовскимъ и Чернымъ моремъ владѣютъ татары и турки, и нѣтъ намъ ни входа въ эти моря, ни выхода изъ нихъ. Да и далеки эти моря отъ просвѣщенныхъ торговыхъ странъ.

Всего лучше бы для насъ Балтійское море. Это море гораздо ближе къ русскимъ владѣніямъ, чѣмъ

Черное и Бѣлое. Черезъ него ближе и сообщеніе съ просвѣщенными народами западной Европы. Къ берегамъ Балтійскаго моря отъ начала Руси неудержимо стремился русскій народъ и по временамъ владѣлъ побережьемъ этого моря. Славяне и кривичи плавали по Варяжскому морю; новгородцы вели по этому морю обширную торговлю съ западной Европой; Александръ Невскій побѣдилъ на берегахъ Невы шведовъ, желавшихъ отнять у насъ прибережныя къ Финскому заливу земли. Иванъ Грозный воевалъ изъ-за этого побережья съ ливонцами и осаждалъ Ригу. Только Смутное время отбросило насъ на время отъ Балтійскаго побережья,—и шведы завладѣли стариннымъ русскимъ достояніемъ. Теперь Петръ и рѣшился вернуть Россіи хоть ближайшую къ намъ часть этого моря, чтобъ найти выходъ въ западную Европу.

Время для войны со шведами было для насъ благопріятное: шведы не однихъ насъ обобрали,—они отняли приморскія земли и у Польши, и у Даніи. Такъ государю нашему было легко вступить въ союзъ съ Даніей и Польшей противъ шведовъ, и въ этой мысли онъ совершенно укрѣпился.

Союзный договоръ о войнѣ съ Швеціей былъ заключенъ Петромъ съ королями польскимъ и датскимъ, чтобы напасть на шведовъ съ трехъ сторонъ. И союзники наши ужъ начали войну. Медлилъ только Петръ и держалъ договоръ въ ве-

ликой тайнѣ: нужно ему было помириться прежде съ турками, съ которыми шла война изъ-за Азовскаго моря.

Господа шведы учатъ русскихъ побѣдамъ.

Королемъ въ Швеціи былъ тогда Карлъ XII. Онъ на десять лѣтъ моложе нашего государя: Петру теперь 28 лѣтъ, а Карлу 18. Петръ и Карлъ совсѣмъ не похожи другъ на друга. Разскажемъ для примѣра, какъ забавлялся у себя дома шведскій король за два года до начала Сѣверной войны.

Пріѣхалъ тогда въ Стокгольмъ, столицу Швеціи, герцогъ Голштинскій, женихъ сестры Карла, и оба государя крѣпко подружились. Каждый день у нихъ потѣхи. То охотятся на зайца въ залѣ Государственной Думы, то устроятъ торжественный въѣздъ въ столицу и среди бѣлаго дня, со всей своей свитой, шумно несутся по улицамъ — въ однѣхъ рубашкахъ, съ саблями наголо. То съ большой толпой приближенныхъ отправятся вечеромъ гулять по городу и — бьютъ въ домахъ стекла. А во дворцѣ забавляются тѣмъ, что срываютъ съ приближенныхъ парики и шляпы, выбиваютъ миски изъ рукъ пажей, разносившихъ кушанье, ломаютъ мебель и выбрасываютъ за окна. Однажды переломали въ церкви всѣ лавки, на которыхъ сидятъ прихожане во время службы. Нѣсколько дней

сряду друзья забавлялись тѣмъ, что рубили во дворцѣ головы телятамъ и баранамъ, такъ что полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были залиты кровью.



Карлъ XII.

Государственными дѣлами Карлъ не занимался, и сановниковъ, которые приходили къ нему съ докладами, безъ церемоніи выталкивали за дверь.

Общество возмущалось такимъ поведеніемъ короля и открыто роптало. Подавали Карлу заявле-

нія, чтобы онъ перемѣнилъ образъ жизни. Священники въ церквахъ говорили обличительныя проповѣди на текстъ Писанія: „Горе странѣ, въ которой царь юнъ“.

Всѣ эти обличенія страшно раздражали короля, но все же онъ притихалъ, хотя только наружно, и то на короткое время. Онъ былъ отважный, но безразсудный удалецъ, искатель приключеній; силы въ юношѣ бурно кипѣли, и онъ не зналъ, къ чему ихъ примѣнить.

Въ это-то время и объявляютъ Швеціи войну одно за другимъ три государства.

Будто того только и ждалъ Карлъ XII, и съ пылкою страстью безумно отдался кровавой потѣхѣ военной, вовсе не думая о пользѣ своего народа.

Короли датскій и польскій первые начали войну. Датскій король прогналъ изъ Голштиніи зятя Карла XII, а король польскій вторгся въ Ливонію.

Карлъ XII сказалъ своему зятю, когда тотъ явился къ нему за помощью:

— Я буду вашимъ покровителемъ, хотя бы мнѣ стоило это короны.

Извѣстіе о войнѣ съ польскимъ королемъ Карлъ получилъ на охотѣ и съ безпечной улыбкой хвастливо промолвилъ:

— Мы скоро прогонимъ короля Августа восвояси... Сперва я покончу съ однимъ, а потомъ поговорю и съ другимъ.

Напрасно уговаривали Карла покончить дѣло

миромъ и свои вельможи, и Англія съ Голландіей. Искра попала въ порохъ. Затаенная страсть къ войнѣ вспыхнула въ юношѣ, и ужъ никогда больше не потухнетъ. Онъ ужъ и теперь, до начала войны, считаетъ себя непобѣдимымъ во главѣ своего войска. Къ несчастію для Карла и для его народа, первые успѣхи на войнѣ укрѣпили въ юношѣ это убѣжденье и совсѣмъ вскружили ему голову.

Быстро собрался Карлъ въ походъ. На минуту только заѣхалъ проститься къ бабушкѣ и сестрамъ, чтобъ сказать имъ, что скоро-скоро вернется. Не думалъ, не гадалъ отважный юноша, что никогда ужъ больше онъ ихъ не увидитъ.

Карлъ во главѣ своего войска. Первый ударъ онъ нанесетъ Даніи. Быстро онъ переплылъ проливъ. Совершенно неожиданно явился передъ Копенгагеномъ, столицею Даніи. Городъ былъ вовсе беззащитенъ. Датскій король не приготовился къ оборонѣ столицы. Онъ проситъ мира. Онъ соглашается на всякія условія. И миръ заключенъ.

Вторымъ ударомъ Карлъ сразитъ Августа, короля польскаго. Но въ это время Петръ объявляетъ войну шведамъ.

Петръ не ищетъ славы военной, у него одна мысль: утвердить за Россіей хоть малую часть Финскаго побережья, чтобъ найти своему народу выходъ въ западную Европу. Пусть русскія войска займутъ прежде Нарву (въ южной сторонѣ Финскаго залива), — а потомъ древній новгородскій

городокъ Орѣшекъ (Нотебургъ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера), и тогда легко будетъ укрѣпить за собою и всю мѣстность, лежащую между этими городами. Мѣста здѣсь пустынныя, другихъ крѣпостей нѣтъ.

И слабое русское войско осадило Нарву (1700 г.). Въ самомъ же началѣ осады объявились большія затрудненія. Дѣло дѣлалось наспѣхъ, и опытности не было почти вовсе. Военныхъ запасовъ приготовили мало. Пушки оказались негодными. Стояла осенняя распутица; подводъ мало; солдаты утомились, обносились, оголодали. А большинство солдатъ—молодые рекруты, мало обученные, не привыкшіе къ военной службѣ. А начальники все больше иноземцы,—ни они солдатъ не понимаютъ, ни солдаты ихъ. Началась осада Нарвы, и скоро изстрѣляли всѣ ядра и весь порохъ,—надо дожидаться подвоза.

Но вмѣсто подвоза припасовъ нежданно является подъ Нарвой Карлъ XII и нападаетъ на нестройные ряды русскихъ. Сильная вьюга бьетъ прямо въ лицо нашимъ солдатамъ,—въ двадцати шагахъ ничего не видно. Шведы ворвались въ нашъ лагерь. Среди нашихъ солдатъ раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“. Началось поголовное бѣгство. Только и устояли два полка—Преображенскій да Семеновскій, да еще одинъ отрядъ, въ сторонѣ стоявшій: до самой ночи они крѣпко отбивались и ни на шагъ не отступили отъ шведовъ. Дѣло наше еще не совсѣмъ потеряно, и будь наши ко-

мандиры поопытнѣе да поотважнѣе, — такъ можно было бы еще бѣду поправить. Но начальники рѣшили сдаться на милость отважнаго побѣдителя. Карлъ XII забралъ себѣ всѣ наши пушки, взялъ въ плѣнъ всѣхъ знатныхъ людей и генераловъ, а солдатамъ далъ свободу, не отобравъ у нихъ даже и оружія.

Побѣдителю открытъ теперь свободный путь вовнутрь беззащитной Россіи — до самой Москвы. Онъ могъ бы принудить Петра къ постыдному миру. Но Карлъ съ презрѣніемъ смотритъ на русскихъ, онъ ищетъ болѣе славныхъ побѣдъ. „Нѣтъ никакого удовольствія съ русскими биться,—говоритъ онъ своимъ приближеннымъ,—они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ". Война для Карла стала удовольствіемъ, цѣлью жизни. Онъ непобѣдимъ, онъ посланъ самимъ Богомъ для войны съ врагами. И Карлъ спѣшитъ въ Польшу, чтобъ также разомъ покончить и съ третьимъ своимъ противникомъ.

Слухъ о Нарвской побѣдѣ быстро разнесся по всей Европѣ. Карлъ XII вдругъ сталъ великимъ героемъ. Его прославляютъ въ стихахъ, печатаютъ его портреты, въ честь его выбиваютъ медали. Всѣ радуются горю варваровъ-русскихъ, осмѣлившихся бороться съ просвѣщеннымъ европейскимъ народомъ, злобно издѣваются надъ царемъ, рисуютъ на Петра карикатуры.

„Тако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію учинили, что есть безспорно,—пишетъ Петръ по-

слѣ Полтавской побѣды надъ тѣми же шведами.— Но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? Только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ; два полка гвардіи были только на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видали. Въ прочихъ же полкахъ, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, были рекруты. Къ тому же великій голодъ былъ, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію?

„Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувствительная и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумаешь, воистину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдовать долженствуемъ: ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, когда мы были такъ неискусны во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ оное счастіе ввергнуть насъ могло. Но когда сіе несчастіе (или, лучше сказать, великое счастіе) мы получили, тогда неволя отогнала лѣность и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила“.

Петръ увидѣлъ, что до Нарвы было одно лишь „младенческое играніе, а истиннаго искусства — ниже вида“. И вотъ теперь онъ напрягаетъ всѣ свои могучія силы, чтобы въ совершенствѣ по-

стигнуть „искусство въ дѣлахъ воинскихъ“. „Господа шведы и не одинъ разъ еще насъ поколотятъ,—говорилъ онъ,—но у нихъ же мы научимся и побѣждать“. И самъ онъ, первый во всякомъ дѣлѣ работникъ, проявляетъ изумительную дѣятельность, и всю Россію поднялъ на ноги и призвалъ къ спѣшной страдной работѣ, чтобъ избыть бѣду и завоевать вѣрный и прочный успѣхъ. Такъ, малодушнаго человѣка бѣда только мучитъ, а человѣка сильнаго она же и учитъ.

Князь Репнинъ получаетъ строгій приказъ привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузіи“. Полки быстро приведены въ порядокъ и пополнены, и умножены, и готовы въ дѣло. Заботливо обдумываетъ и устраиваетъ Петръ и продовольствіе солдатъ, чтобъ они исправно были одѣты, обуты и накормлены.

Шведы могутъ двинуться внутрь Россіи, — и государь спѣшно укрѣпляетъ пограничные города. Кипитъ работа въ Новгородѣ и Псковѣ. „Рвы копали, палисады съ бойницами ставили, раскаты дѣлали и дерномъ окладывали. А на работѣ были конные и пѣшіе солдаты и всякихъ чиновъ люди, священники и всякаго церковнаго чина люди, мужскаго и женскаго пола“. Государь самъ наблюдаетъ за работами, самъ впереди всѣхъ трудится. И горе тѣмъ, кто неисправенъ, кто думаетъ поживиться отъ этихъ работъ! Судъ и грозная расправа тутъ же, на мѣстѣ: за лѣность и неисправность—плети, за взятки и казнокрадство — смертная казнь.

Пушки отняты шведами, — надо сдѣлать новыя, а мѣди нѣтъ. Петръ велитъ со всего государства, съ большихъ городовъ — отъ церквей и монастырей, собрать колокола лишніе и перелить ихъ въ пушки. И меньше чѣмъ въ годъ изготовлена артиллерія много лучше прежней: отлито 300 орудій и многія тысячи ядеръ.

Расходы неотложные со страшной быстротою умножаются, а денегъ въ казнѣ нѣтъ: придумываются новые и новые налоги, новые источники доходовъ; обложены сборами и монастырскія имѣнія; взяли денегъ въ долгъ у богатыхъ церквей и монастырей. И зорко государь слѣдитъ, чтобъ казенныя деньги расходовались бережливо, жестоко наказываетъ лихоимцевъ.

Петръ дѣлаетъ дѣло не на одинъ часъ, онъ прозорливо смотритъ впередъ. Чтобъ приготовить для будущаго знающихъ работниковъ, государь устраиваетъ школы. Собрано 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ потомъ добрые артиллеристы, инженеры, мастера. И теперь, гдѣ только возможно, Петръ приставляетъ къ дѣлу русскихъ людей, чтобъ вездѣ и во всемъ пріучались обходиться безъ иностранцевъ.

А самъ государь во все до послѣднихъ мелочей вникаетъ и вездѣ съ необычайною быстротою поспѣваетъ. Онъ и на границѣ укрѣпляетъ города, онъ и въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Воронежѣ, — вездѣ указываетъ, что и какъ дѣлать, и

самъ съ другими работаетъ, и даетъ на срокъ новыя и новыя работы.

Сотни и тысячи спѣшныхъ и важныхъ дѣлъ у Петра; но главнѣе всего теперь — пріучить юное русское войско къ воинѣ, ободрить его, научить побѣждать шведовъ; а для этого нуженъ опытъ и много-много времени. Въ этомъ помогъ Петру самъ Карлъ XII.

Карлъ считаетъ короля польскаго главнымъ зачинщикомъ всего дѣла, онъ хочетъ примѣрно наказать его — свергнуть съ престола; онъ преслѣдуетъ его, гоняется за нимъ изъ конца въ конецъ. „Карлъ завязъ въ Польшѣ“ и далъ Петру время пріучить свое войско къ воинѣ, научить его побѣждать шведовъ. Главное шведское войско съ Карломъ въ Польшѣ, а въ Прибалтійскихъ пограничныхъ городахъ оставлены лишь небольшіе отряды, — такъ Петру и удобно теперь проходить военную науку.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ уже поражаетъ шведскаго полководца Шлиппенбаха, и Петръ въ великомъ восторгѣ отъ этой первой побѣды. Шереметевъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго и высокимъ званіемъ генералъ-фельдмаршала. Въ Москвѣ служатъ благодарственные молебны, цѣлый день колокольный звонъ и громъ ста пушекъ; на стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ развѣваются знамена, отнятыя у шведовъ. И Москва и вся Россія должны узнать, что русское войско отплатило шведамъ за побѣду подъ Нарвой.



Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шереметевъ нанесъ Шлиппенбаху и второе жестокое пораженіе.

Петръ пользуется временемъ и не даетъ ни себѣ, ни войску ни на минуту покоя. Онъ приказываетъ



Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Шереметеву разорить непріятельскія земли, чтобы Карлъ, когда онъ сюда вернется, не нашелъ здѣсь ни пристанища, ни подмоги.

Даже и въ наше время, у всѣхъ народовъ, война — страшное и жестокое дѣло, а тогда она

была еще ужаснѣе... Шереметевъ грозно „гоститъ“ въ Лифляндіи. Городъ за городомъ переходятъ въ руки русскихъ. Все предается разоренію, огню и мечу. Многія тысячи людей попадаютъ въ неволю, и не только солдаты, но и мирные граждане. „Больше того и разорять нечего, — пишетъ царю Шереметевъ, — все разорили и опустошили безъ остатку“.

Въ то же время Апраксинъ точно также разоряетъ и опустошаетъ невскіе берега. А Нева для Петра всего нужнѣе и дороже. И онъ самъ летитъ на Ладогу, вызываетъ сюда и Шереметева съ войскомъ, „чтобъ сего, Богомъ даннаго, времени не потерять, — зѣло время благополучно, не надобно упустить“. Петръ самъ ведетъ войско къ истоку Невы, чтобы завладѣть Орѣшкомъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія крѣпость сдается. Государь въ восторгѣ. „Правда, что зѣло жестокъ былъ сей орѣхъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ“. Орѣшекъ названъ Шлиссельбургомъ (Ключъ-городъ): этимъ ключомъ Петръ отопретъ Россіи выходъ въ Балтійское море.

Орѣшекъ взятъ въ октябрѣ 1702 г., а въ апрѣлѣ 1703 г. отъ Шлиссельбурга, внизъ по правому берегу Невы, идетъ русское войско подъ начальствомъ Шереметева. Идетъ лѣсами большими и малыми, болотами топкими. Къ войску подоспѣлъ и царь — „бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ“. Подходятъ къ невскому устью. Видятъ маленькій земляной городокъ, — это Канцы, или Ніен-

шанцъ, сторожившій устье Невы. Городокъ осадили и взяли. Петръ Михайловъ съ отрядомъ солдатъ въ 60 лодкахъ ѣдетъ осматривать невское устье.

На другой день караульщики доносятъ, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли, подошли къ устью Невы и бросили якорь. Это были шведскія суда; они привезли разные запасы въ Канцы, не зная, что крѣпость уже въ русскихъ рукахъ.

Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ обоими гвардейскими полками на 30 лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили ихъ и взяли съ бою. У шведовъ на корабляхъ были пушки, а у русскихъ одни ружья. Неслыханное дѣло, чтобы простыя лодки взяли съ бою вооруженные корабли. „Невозможное стало возможнымъ". Петръ съ компаніей радуются, какъ дѣти, блистательно выдержавшія трудный экзаменъ. За эту небывалую викторію капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ пожалованы орденомъ Андрея Первозваннаго. Это было 5 мая.

16 мая (1703 г.) на одномъ изъ островковъ невскаго устья застучали топоры: Петръ съ компаніей рубитъ кусты и деревья, строитъ деревянный городокъ. Это—Петербургъ, новая столица русскаго государства. Губернаторомъ столицы назначенъ Меншиковъ. Ему и всѣмъ приближеннымъ заданы срочные уроки: спѣшно построить и крѣпостцу, и царскій домикъ, и другіе казенные и обывательскіе дома.

Такъ Петръ и привелъ Россію къ Варяжскому морю, по которому восемь съ половиною вѣковъ назадъ русскіе ходили за море искать себѣ князя, къ тому морю, за обладаніе которымъ предки Петра пролили потоки русской крови.

Но пока еще и побережье, и море не наши: хозяина дома нѣтъ, потому мы такъ легко и скоро всѣмъ завладѣли. Хозяинъ увязъ въ Польшѣ, а какъ вернется онъ домой, такъ не сдобровать тогда, пожалуй, непрошеннымъ гостямъ. И теперь ужъ со взморья грозятъ непріятельскіе корабли. Такъ нужно приготовиться къ борьбѣ и защитѣ и на морѣ, и на сушѣ.

Закипѣла работа на берегахъ рѣки Свири: здѣсь, по царскому слову, роняютъ огромныя деревья въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ; на новой верфи — Лодейное Поле — спѣшно строятъ морскія военныя суда.

А государь вездѣ поспѣваетъ: изъ Лодейнаго Поля на рѣку Сестру, чтобъ отразить шведскій отрядъ. Отсюда опять въ Лодейное Поле, чтобъ спустить на воду новыя суда, а оттуда — въ Петербургъ.

Стоитъ поздняя осень (октябрь). Солнца въ Петербургѣ-городкѣ давно ужъ не видать. Жестокій вѣтеръ, дожди непрестанные. Ледъ по Невѣ пошелъ; шведскіе корабли, простоявшіе все лѣто въ устьѣ Невы, ушли во-свояси, — зима близко. Петръ пользуется такимъ случаемъ. Онъ на взморьѣ, — около острова Котлина вымѣряетъ морскую глу-

бину. Вымѣрилъ. Здѣсь будетъ крѣпость Кронштадтъ, — защита Петербургу.

Въ началѣ ноября показался на взморьѣ первый купеческій корабль иностранный. Петръ, какъ радушный хозяинъ, встрѣчаетъ дорогихъ гостей и, какъ искусный лоцманъ, самъ вводитъ корабль въ устье. Губернаторъ Меншиковъ на славу угощаетъ корабельщиковъ, по хорошей цѣнѣ скупаетъ весь товаръ (вино и соль) и щедро всѣхъ одаряетъ: шкиперу 500 золотыхъ, каждому матросу по 30 талеровъ.

А фельдмаршалъ Шереметевъ свое дѣло неустанно исполняетъ: одинъ за другимъ забираетъ старинные русскіе города, которые „шведъ за себя завелъ“: взялъ Копорье, Ямы (Ямбургъ), Роковоръ (Везенбергъ), Юрьевъ (Дерптъ), Иванъ-городъ и Нарву, гдѣ русскіе получили отъ шведа первый кровавый урокъ. „Гдѣ четыре года назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ“, радуется Петръ.

А новый городокъ Петербургъ въ это самое время храбро отбивается отъ шведа, который не даетъ ему покоя и съ моря, и съ суши, — и отбивается, и быстро обстраивается. Многіе десятки тысячъ рукъ и лѣто, и зиму трудятся неустанно. Работаютъ здѣсь солдаты. Согнаны сюда со всей Россіи всякіе мастера и простые мужики. Приставили къ работѣ арестантовъ и плѣнныхъ. Всѣмъ дано дѣло. А работа и спѣшная, и тяжелая; терпятъ работники и голодъ, и холодъ и мрутъ, какъ

мухи осенью, отъ тяготы и всяческихъ лишеній. Но тверда воля Петра, какъ сталь закаленная, и новая столица растетъ не по днямъ, а по часамъ, и радуетъ сердце государя. Парадисомъ (раемъ) называетъ Петръ свой городокъ.

Такъ-то и воспользовался Петръ временемъ, пока Карлъ увязъ въ Польшѣ. Петръ умножилъ и устроилъ свое войско и пріучилъ его побѣждать шведовъ. Онъ овладѣлъ Балтійскимъ побережьемъ, а самое важное — основалъ при устьѣ Невы пристанище для кораблей — Петербургъ, защитилъ его съ суши и съ моря, устроилъ верфь для постройки новыхъ и новыхъ морскихъ судовъ.

Цѣль войны вполнѣ достигнута; завѣтная мечта осуществилась. Готовъ теперь государь и помириться со шведами. Въ крайности согласится онъ возвратить шведамъ и большую часть своихъ завоеваній, отдастъ и Дерптъ и даже Нарву, и только Неву съ Петербургомъ оставитъ за Россіей. За Петербургъ онъ готовъ бороться до конца дней своихъ, „ибо черезъ сію артерію можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“. Пусть теперь является сюда Карлъ, пусть воюетъ въ разоренной странѣ и стоитъ подъ завоеванными крѣпостями, — трудна будетъ для него эта война, не легко достанется ему и побѣда надъ закалившимся въ бояхъ русскимъ войскомъ съ возмужавшими вождями.

Но знаетъ Петръ, что до мира со шведами еще не близко, и для вѣрнаго успѣха очень важно,

чтобы Карлъ какъ можно дольше оставался въ Польшѣ. А для этого нужно помочь польскому королю, и Петръ посылаетъ ему и отрядъ войска, и деньги.

Остороженъ государь и проницателенъ: онъ не полагается на слѣпое счастье и хорошо знаетъ, какъ завоевать себѣ прочный успѣхъ. „Карлъ спѣшитъ окончить дѣло разомъ, однимъ счастливымъ боемъ, — говоритъ Петръ. — Но на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, — объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній; намъ же, какъ людямъ, надлежитъ смотрѣть ближайшее. Исканіе генеральнаго боя зѣло опасно, ибо все дѣло въ одинъ часъ можетъ быть ниспровергнуто. Поэтому надобно стараться поражать непріятеля по частямъ и удерживать его въ Польшѣ“.

Такой совѣтъ даетъ Петръ и своему союзнику, королю польскому, и своимъ полководцамъ. Потому-то и самъ онъ нейдетъ въ Польшу со всѣмъ своимъ войскомъ. А военачальникамъ, которыхъ туда посылаетъ, строго-настрого наказываетъ дѣйствовать осторожно, отступать, хранить войско въ цѣлости, въ случаѣ крайней опасности — побросать пушки въ воду.

А Карлъ о мирѣ и не помышляетъ. Воюя въ чужой странѣ, онъ мечется изъ угла въ уголъ въ погонѣ за ненавистнымъ соперникомъ своимъ, чтобъ сорвать съ него корону. Истощаетъ онъ свое войско, истощаетъ безразсудно и силы своего государства. Дорого стоитъ эта война и Рос-

сіи, но ей для пользы всего народа необходимо пробиться къ морю.

Воюя со шведами, Петръ ни на минуту не забываетъ внутреннихъ дѣлъ и въ то же время зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ западной Европѣ. А тамъ идетъ жестокая борьба, и Петръ искусно пользуется этимъ. Пристально смотрятъ и въ Европѣ за нашею со шведами войною, только вмѣшиваться въ это дѣло никто не желаетъ, — у каждаго свои дѣла и расчеты. Попробовалъ просить Англію и Голландію стать посредниками для мирныхъ переговоровъ съ Карломъ, — но тѣ отмолчались: укрѣпятся русскіе на морѣ, и лишатся своихъ великихъ барышей торговые люди. Да и всѣ не желаютъ, чтобъ усилилась Россія, — опаснымъ сосѣдомъ она будетъ.

Такъ на скорый миръ надѣяться пока нельзя, — мечомъ приходится намъ добывать этотъ миръ; рано или поздно поневолѣ придется одинъ на одинъ побороться съ Карломъ. И дѣло, какъ видно, приближается къ роковой развязкѣ.

Карлъ, наконецъ, одолѣлъ ненавистнаго ему противника и принудилъ его отказаться отъ польскаго престола. Гордый побѣдитель говоритъ, что онъ теперь и съ Петра сниметъ корону и посадитъ на московскій престолъ кого захочетъ.

Петръ приказываетъ русскому отряду покинуть Польшу и отступать во внутрь Россіи, въ генеральную битву съ Карломъ не вступать, а вре-

дить ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно же при переправахъ черезъ рѣки.

Но куда двинетъ свое войско Карлъ? Гдѣ онъ вызоветъ Петра на поединокъ? Говорятъ, что Карлъ намѣренъ въ Москвѣ продиктовать Россіи условія мира. И Петръ спѣшно укрѣпляетъ и Москву, и окрестные города — Серпуховъ, Можайскъ, Тверь, а самъ зорко слѣдитъ за движеніями непріятеля, и войско наше наноситъ ему вредъ, какъ только можетъ.

А шведское войско и безъ того сильно изнурено длинными переходами и непрестанными битвами и страшно во всемъ нуждается — и въ съѣстныхъ, и въ военныхъ припасахъ.

Навстрѣчу Карлу идетъ изъ Швеціи большой вспомогательный отрядъ свѣжаго войска съ большими запасами продовольствія и военныхъ снарядовъ: только бы соединиться ему съ Карломъ, и войско шведское обновится, усилится. Съ необычайною быстротою русскіе нападаютъ на этотъ отрядъ, жестоко его поражаютъ и отнимаютъ всѣ припасы. Карлъ сильно пріунылъ, а Петръ въ великой радости: это пораженіе шведовъ онъ называлъ потомъ матерью полтавской викторіи.

Что же теперь дѣлать Карлу съ измученнымъ войскомъ, — обносившимся, голоднымъ, безъ пушекъ и ядеръ? Карлъ, вмѣсто Москвы, повернулъ на Украйну. Малороссійскій гетманъ Мазепа давно ужъ ведетъ и съ Карломъ, и съ королемъ польскимъ тайные переговоры и обѣщаетъ имъ помощь

отъ казаковъ. Обнадежилъ Карла Мазепа и въ помощи крымскихъ татаръ.

Мазепа.

Послѣ присоединенія Малой Россіи къ Великой московское правительство оставило казакамъ старые порядки и въ выборѣ себѣ начальства („начальные люди“, „старшина“), и въ управленіи страною.

По старому казацкому обычаю, весь народъ выбиралъ себѣ на всенародной сходкѣ („рада“) гетмана и „старшину казацкую“, выбиралъ полковниковъ и другое начальство.

Гетманъ былъ верховнымъ вождемъ всего казачества, — малороссійскаго и запорожскаго; въ его рукахъ была и власть, и казна всенародная. Полковники управляли полками казацкими и всѣмъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ, которое жило въ полковыхъ казацкихъ городахъ и на полковыхъ земляхъ (по-нынѣшнему — губерніи и уѣзды). Вся Украйна представляла собою какъ бы военный станъ, управляемый выборнымъ военнымъ начальствомъ.

Многое осталось въ казачествѣ по-старому, но не мало народилось и новаго. Избавилась Украйна отъ власти Польши, и нѣтъ ужъ больше королев-

ской власти, нѣтъ самоуправства польскихъ пановъ, нѣтъ гоненія на православную вѣру, на старые русскіе обычаи.

Но на мѣсто королевской власти стала власть московскаго царя самодержавнаго. Московскій царь принялъ Украіну подъ свою высокую руку, защищалъ ее отъ внѣшнихъ враговъ, наблюдалъ и за порядками внутри земли. Московскій народъ для защиты Украйны принялъ на себя великія тяготы, жертвовалъ и людьми, и деньгами, и нужно было, чтобы и народъ малороссійскій, за одно съ нимъ, раздѣлялъ эти тяготы, тянулъ вмѣстѣ съ нимъ общенародное, общерусское тягло. И приходилось Украйнѣ подчиняться во многомъ волѣ московскаго правительства; приходилось принимать на свою долю и общенародную, общерусскую тяготу. А малороссійскіе гетманы и всѣ начальники и казачество, особенно же казаки запорожскіе, того не хотѣли: покровительствомъ московскаго царя пользоваться они желали, а покоряться его власти и нести всенародныя тяготы противились.

Гетманъ и „старшина“, и все казачество считали себя людьми вольными и хотѣли всегда и во всемъ жить по своей волѣ. Они такъ разсуждали: „по доброй волѣ мы приняли покровительство московскаго царя, по своей волѣ и жить хотимъ, по своей волѣ и отойти отъ царя можемъ, когда захочемъ, — чтобъ сохранить вольности себѣ и матери-Украйнѣ“. И отходили, и *шатались* то въ сторону короля польскаго, то въ сторону султана турецкаго,

то вновь переходили на сторону царя московскаго. Это *шатаніе* и непостоянство вошло тогда въ Москвѣ въ пословицу.

Защищая вольности „матери-Украйны“, гетманы и „старшина казацкая“ крѣпко заботились и о своей собственной власти, о своихъ личныхъ выгодахъ. Освободясь изъ-подъ ига Польши, властные въ казачествѣ люди не освободились отъ польскаго духа, отъ польскихъ порядковъ. Они, выбранные изъ простыхъ казаковъ, стремились къ тому, чтобы жить во всемъ по своей волѣ и безотчетно властвовать и надъ казаками, и надъ всѣмъ населеніемъ Украйны. Вмѣсто польскихъ пановъ они сами сдѣлались такими же панами и во всемъ хотѣли жить по-пански. Панъ-гетманъ хотѣлъ распоряжаться по своей волѣ и полковниками, и всѣми казаками, и всею войсковою казною. Полковники-паны, не слушаясь гетмана, желали самовластно распоряжаться и полками, и всѣмъ городскимъ населеніемъ, быть не только землевладѣльцами, но и рабовладѣльцами. И сами казаки желали держать въ рукахъ свое выборное начальство и также жить по своей волѣ, кормиться на счетъ мирнаго трудового населенія, никакой тяготы не знать и всѣмъ управлять. Всѣ хотѣли жить по своей волѣ и всѣ были недовольны и московскимъ правительствомъ, и своими выборными властями. И гетманы на Украйнѣ то и дѣло перемѣнялись, происходили постоянные безпорядки.

Нелегко было выборному гетману управлять ка-

зачествомъ и всею страною: онъ долженъ былъ угождать и казацкому міру, и московскому правительству. Когда гетманъ угождалъ московскому правительству, тогда озлоблялось на него казачество и съ презрѣніемъ его называло бояриномъ московскимъ. А когда онъ потакалъ во всемъ казачеству, тогда имъ недовольно было московское правительство. А такъ какъ нельзя было въ одно и то же время двумъ господамъ служить, то гетманъ нерѣдко и поступалъ во всемъ по своему усмотрѣнію и лишь заботился о своей собственной пользѣ. Передъ московскимъ правительствомъ онъ винилъ во всемъ своевольное казачество, а передъ казаками обвинялъ во всемъ московское правительство.

Недовольныхъ было много, и со всѣхъ сторонъ шли въ Москву доносы на измѣны, жалобы на притѣсненія и всяческую несправедливость.

Но тяжелѣй всего жилось мирному населенію, — городскому и сельскому: на его средства жили и гетманъ, и вся „казацкая старшина“, и все войско казацкое; но объ этихъ-то кормильцахъ своихъ паны-правители меньше всего и заботились, и терпѣло населеніе ото всѣхъ несправедливость и тяготу великую. Только съ одной стороны оно и надѣялось получить избавленіе — отъ царя московскаго. И горожане съ сельчанами безъ всякаго шатанія всегда были на сторонѣ московскаго правительства и ждали черезъ него избавленія отъ войскового ига.

Московское правительство хорошо видѣло „шатаніе“ казачества, знало и про всѣ внутреннія неурядицы, но терпѣло до поры до времени. Но вотъ дѣла государственныя взялъ въ свои мощныя руки Петръ. Онъ совершилъ уже великія перемѣны въ Московскомъ царствѣ, и не знаетъ препятствій своей могучей волѣ. Онъ и отъ малороссійскаго казачества требуетъ прямой службы и распоряжается имъ наравнѣ съ московскими солдатскими полками. Настало теперь для казачества тревожное и мучительное время: со дня на день ждетъ казацкое войско отмѣны своихъ старыхъ вольностей. Больше всѣхъ безпокоились казацкіе паны-начальники.

Въ такое-то тревожное и переходное время и пришлось быть гетманомъ—Мазепѣ.

Родомъ Мазепа былъ простой казакъ, но воспитывался и получилъ образованіе въ Польшѣ. Отъ польскаго короля онъ получилъ и шляхетство (дворянство), усердно служилъ при королевскомъ дворѣ и владѣлъ помѣстьемъ. Король оцѣнилъ усердіе и способности Мазепы и довѣрялъ ему важныя дѣла. Можетъ быть, и на всю свою жизнь остался бы Мазепа у короля на выгодной и почетной службѣ, позабылъ бы свою родину и свой народъ, да приключилась съ нимъ въ молодости большая непріятность.

Полюбилась Мазепѣ жена сосѣда, польскаго пана;

сосѣдъ узналъ про это и жестоко съ нимъ расплатился. Захватилъ онъ Мазепу врасплохъ на дорогѣ, приказалъ своимъ слугамъ раздѣть его до-нага и привязать на спину лошади — лицомъ къ хвосту. Настегали лошадь кнутами, напугали выстрѣлами, и помчалась она отъ боли и страха безъ пути и



Гетманъ Мазепа.

безъ дороги черезъ лѣсныя чащи, и привезла хозяина домой въ такомъ истерзанномъ видѣ, что его собственныя слуги узнать не могли. Послѣ такого позора нельзя было Мазепѣ оставаться въ Польшѣ.

Къ счастью для него, получилъ онъ отъ короля важное порученіе — ѣхать къ гетману и казакамъ на Украйну, чтобъ уговорить ихъ отстать отъ Москвы и перейти на сторону Польши. Какъ исполнилъ Мазепа такое порученіе, — неизвѣстно, но только въ Польшу онъ больше не вернулся и съ легкимъ сердцемъ перешелъ отъ короля на службу къ казакамъ.

Льстивъ и угодливъ, когда это выгодно, уменъ и образованъ былъ Мазепа, и скоро онъ у казаковъ дослужился до важной и высокой должности — генеральнаго писаря (секретарь при гетманѣ). Служилъ Мазепа при разныхъ гетманахъ и вмѣстѣ съ ними дружилъ и присягалъ то королю польскому, то султану турецкому, то царю московскому. Такъ и пріучился онъ съ молодости *шататься* на разныя стороны и столько разъ перемѣнялъ присягу, что эта перемѣна стала ему за обычай, и вѣренъ онъ былъ только по разсчету.

Сдѣлался, наконецъ, Мазепа и гетманомъ малороссійскимъ и всѣми силами старался угодить Петру, потому что на сторонѣ Москвы была сила. Послушно и усердно исполнялъ Мазепа всѣ царскіе приказы: водилъ свое войско на турокъ во время азовскихъ походовъ, посылалъ казаковъ на помощь королю польскому, на войну со шведами,

заставлялъ укрѣплять города. Недовольны казаки тяжелой службой, ропщутъ они и на гетмана, и на царя. Но изворачивается хитрый гетманъ, какъ только можетъ, старается и царю услужить, и передъ казачествомъ не быть виноватымъ.

Не легка служба Мазепы, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ искушенія: и ханъ крымскій, и донскіе казаки, и короли шведскій и польскій,— каждый предлагаетъ гетману склониться на свою сторону. Но твердъ пока еще Мазепа, вѣренъ Петру и аккуратно доноситъ царю о всѣхъ этихъ искушеніяхъ, клянется въ своей вѣрности, называетъ себя столпомъ непоколебимымъ, твердымъ камнемъ несокрушимымъ. Знаетъ и видитъ Петръ вѣрную службу гетмана, считаетъ его человѣкомъ честнымъ и добрымъ, безгранично во всемъ на него полагается, надѣляетъ его высокими наградами.

Быть можетъ, такъ и остался бы Мазепа вѣрнымъ Петру человѣкомъ,— вѣрнымъ, конечно, по разсчету, если бы не ошибся онъ въ этихъ своихъ разсчетахъ.

Казачество Москвой недовольно, и недовольство это растетъ съ каждымъ часомъ. Но пока силенъ царь московскій,— не дастъ онъ вѣрнаго своего слугу въ обиду. Но надолго ли достанетъ у него этой силы? Устоитъ ли онъ противъ шведовъ? Вся Европа считаетъ Карла непобѣдимымъ: онъ однимъ своимъ появленіемъ смирилъ датскаго короля, однимъ ударомъ разгромилъ и обратилъ въ бѣгство русское войско подъ Нарвой, свергнулъ Августа



съ престола, назначилъ въ короли своего избранника, который теперь во всемъ ему помогаетъ. Карлъ въ союзѣ въ Польшей на Москву идетъ, и русское войско передъ нимъ отступаетъ, боится вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Кто жъ одолѣетъ,—Карлъ или Петръ? Несомнѣнно, Карлъ! Петръ и теперь нуждается въ помощи казаковъ,—что же будетъ тогда, когда Карлъ разгромитъ Московское царство? Какой помощи и защиты ждать ему, гетману, и отъ своихъ казаковъ, и отъ побѣдителей московскаго царя?

Смущаютъ Мазепу и недобрые, но достовѣрные слухи. Любимецъ царя Меншиковъ не разъ говорилъ, что пора унять казаковъ, сократить ихъ вольности и ввести на Украйнѣ московскіе порядки. Гетмана самъ царь будетъ назначать, по городамъ своихъ губернаторовъ поставитъ, а казаковъ всѣхъ повернетъ въ солдаты; а если заупрямятся казаки, то царь на Волгу всѣхъ перегонитъ и по всей Украïнѣ своихъ людей поселитъ. Говорятъ, что и новый гетманъ ужъ готовъ,—Меншиковъ заïметъ мѣсто Мазепы.

Такъ по-всему и выходитъ, что гораздо выгоднѣе перейти Мазепѣ съ казачествомъ на сторону Швецïи и Польши: за этотъ переходъ сохранятъ союзники вольности Украйны, оставятъ и Мазепу въ гетманской власти; довольны будутъ своимъ гетманомъ и казаки. И порѣшилъ въ душѣ своей разсчетливый Мазепа вступить въ таïные перего-

воры съ врагами московскаго царя, съ королями польскимъ и шведскимъ.

А полковники казацкіе тѣ прямо ужъ говорятъ Мазепѣ:

„Очи всѣхъ на тя обращены, и не дай Боже надъ тобою смерти: тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ“.

„Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ, что Украйну отъ ига польскаго свободилъ, такъ, наоборотъ, и мы, и дѣти наши въ вѣчные роды и душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти твоей въ московской неволѣ оставишь“.

Но Мазепа не спѣшитъ дѣйствовать открыто, — онъ „искусная и ношеная (хорошо обученная) птица“, какъ самъ себя называетъ. „Или я дуракъ, чтобы прежде времени начинать, пока я не увижу крайней нужды, когда царь не въ силахъ будетъ не только Украйны, но и своего государства отъ шведовъ оборонить“. — Пускай Карлъ на Москву идетъ, а тамъ видно будетъ.

Ведетъ двоедушный Мазепа тайные переговоры съ Карломъ, а самъ трусливо трепещетъ, какъ бы не узналъ про это Петръ. Хитритъ лукавый старикъ, никому прямо не говоритъ о замыслахъ своихъ; но знаетъ всѣ его тайны Орликъ, генеральный писарь, — онъ можетъ донести царю и погубить гетмана изъ корыстнаго разсчета.

— Смотри, Орликъ! — говоритъ Мазепа. — Додержи мнѣ вѣрность. Вѣдаешь ты, въ какой я у царя

милости,—не промѣняютъ въ Москвѣ меня на тебя. Я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь.

Опасенія Мазепы оправдались. Только донесъ на него не Орликъ.

Былъ у Мазепы близкій человѣкъ,—кумъ и родственникъ,—генеральный судья Кочубей. И по-



В. Л. Кочубей.

люби старый гетманъ дочь Кочубея, крестницу свою Матрену, и хочетъ на ней жениться. Отецъ и мать наотрѣзъ отказали: за великій грѣхъ они считаютъ крестному отцу на своей крестницѣ жениться. Но дочка думала по-другому и противъ родительской воли тайно къ гетману убѣжала. Хоть и воротилъ Мазепа свою крестницу въ домъ родительскій, но Кочубей съ женою разгласили по всему свѣту о своемъ позорѣ. И разгорѣлась лютая вражда межъ прежними друзьями, и пылаютъ они злобною страстью жестоко отомстить другъ другу.

Зналъ Кочубей гетманскую тайну, и подговариваетъ онъ близкаго своего друга, полковника Искру, написать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву доносъ на Мазепу. И написали Кочубей съ Искрой доносъ, и въ Москву отослали.

Но вѣрно сказалъ Орлику Мазепа: въ Москвѣ ни на кого гетмана не промѣняютъ. Не вѣрятъ тамъ доносу, и самъ государь пишетъ Мазепѣ, чтобы онъ доносчиковъ взялъ въ оковы и на допросъ къ нему представилъ. А самого гетмана царь спѣшитъ успокоить: „при семъ же васъ просимъ, дабы вы о семъ никакой печали и сумнѣнія не имѣли“.

Присланы на допросъ Кочубей и Искра, и далъ Кочубей подробныя показанья въ томъ, что Мазепа на жизнь царя злоумышляетъ, и хочетъ отложиться къ ляхамъ, и мутитъ казацкое войско.

Искра показалъ, что обо всемъ этомъ слышалъ отъ Кочубея.

Великой важности было обвиненіе, и доносчиковъ подвергли пыткѣ. Не выдержалъ пытки престарѣлый Кочубей и объявилъ, что не вѣдаетъ за гетманомъ никакой измѣны, и донесъ на него ложно, по собственной злобѣ.

Прямодушный государь ненавидѣлъ дрязги и доносы, крѣпко вѣрилъ Мазепѣ, и велѣлъ онъ отослать доносчиковъ къ гетману, чтобы самъ онъ казнилъ ихъ смертью, — другимъ въ наученье. И казнилъ Мазепа невинныхъ Кочубея и Искру — передъ цѣлымъ войскомъ, при многолюдномъ собраніи народа.

Послѣ казни Кочубея и Искры единомышленники Мазепы торопятъ его, чтобъ не медлилъ и скорѣе промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи, обѣщаясь до смерти стоять за него и за вольности войсковыя, въ чемъ и приняли присягу. Присягнулъ въ этомъ и Мазепа, но дѣйствовать открыто все еще не рѣшался. Пусть Карлъ на Москву идетъ, — время покажетъ, что надо дѣлать.

Но время показало ему совсѣмъ не то, что онъ думалъ: Карлъ, на бѣду Мазепы, вмѣсто Москвы повернулъ на Украйну.

— Дьяволъ его сюда несетъ! — сказалъ Мазепа. — Всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны приведетъ на послѣднее оной разрушеніе и на нашу погибель!

И все еще медлитъ Мазепа, хоть и порѣшилъ онъ съ единомышленниками своими немедленно соединиться съ шведскимъ войскомъ.

Видитъ и Петръ, что Карлъ повернулъ на Украйну, и пишетъ Мазепѣ, чтобъ онъ немедленно изготовилъ все казацкое войско и самъ бы шелъ съ нимъ въ походъ противъ шведовъ. — Необходимо для этого Мазепѣ съ Меншиковымъ сговориться, чтобъ заодно дѣйствовать съ его отрядомъ.

На это Петру Мазепа отвѣчаетъ, что радъ бы онъ сердечно явиться на службу государю, но мѣшаютъ ему немощная старость и тяжкія болѣзни, такъ что и на коня сѣсть невозможно. Да и нельзя ему отлучаться, нельзя и войска посылать, потому что неспокойно въ народѣ, и могутъ произойти великіе безпорядки.

Согласенъ Петръ съ мыслями Мазепы, что отволакивать его съ войскомъ изъ Украйны не надо, „понеже больше пользы отъ него въ удержаніи своихъ, нежели въ войнѣ со шведами“.

Но Меншикову необходимо свидѣться съ Мазепой для совѣщанья, и проситъ онъ гетмана къ себѣ пріѣхать.

— Если поѣдешь, — закричали въ одинъ голосъ всѣ друзья Мазепы, — то и себя, и насъ, и всю Украйну погубишь.

И самъ Мазепа боится, какъ бы не попасть ему въ ловушку, и вмѣсто себя посылаетъ къ Меншикову племянника своего съ объявленіемъ о своей тяжкой предсмертной болѣзни и о горестномъ отъ-

ѣздѣ своемъ въ Борзну для соборованія масломъ отъ кіевскаго архіерея.

Не ѣдетъ хитрый гетманъ къ Меншикову, не рѣшается еще и съ Карломъ окончательно сговориться, — колеблется сдѣлать послѣдній безповоротный и страшный шагъ. А товарищи ужъ дерзко настаиваютъ на этомъ, упрекаютъ гетмана въ старческой сонливости и требуютъ отъ него немедленно вступить въ союзъ съ Карломъ.

И посылаетъ Мазепа къ шведскому королю посольство — отъ себя и отъ всего казацкаго войска и проситъ покровительства всему народу малороссійскому для освобожденія отъ ига московскаго. Еще увѣдомляетъ гетманъ, что находится теперь въ большой тѣснотѣ, и проситъ короля о скорой присылкѣ войска на оборону.

Карлъ принялъ посольство, обѣщалъ свое высокое покровительство казакамъ и всему народу и сказалъ, что скоро самъ будетъ на Украйнѣ.

Но раньше Карла явился на Украйну Меншиковъ со своимъ отрядомъ. Осмотрѣлъ онъ казацкіе полки и нашелъ ихъ въ неустройствѣ. Печалится Меншиковъ о смертной болѣзни „добраго человѣка“, — „зѣло онъ теперь ему нуженъ“. И Меншиковъ самъ ѣдетъ въ Борзну на свиданіе съ умирающимъ Мазепой.

Вихремъ сорвался съ мѣста Мазепа, какъ узналъ объ этомъ, и поскакалъ къ шведамъ. Поѣхали вмѣстѣ съ нимъ и друзья единомышленники, и двѣ тысячи казаковъ.

А Меншиковъ поспѣшно ѣдетъ въ Борзну, съ гетманомъ повидаться.

Въ Борзнѣ гетмана нѣтъ, — уѣхалъ, говорятъ, въ свою столицу.

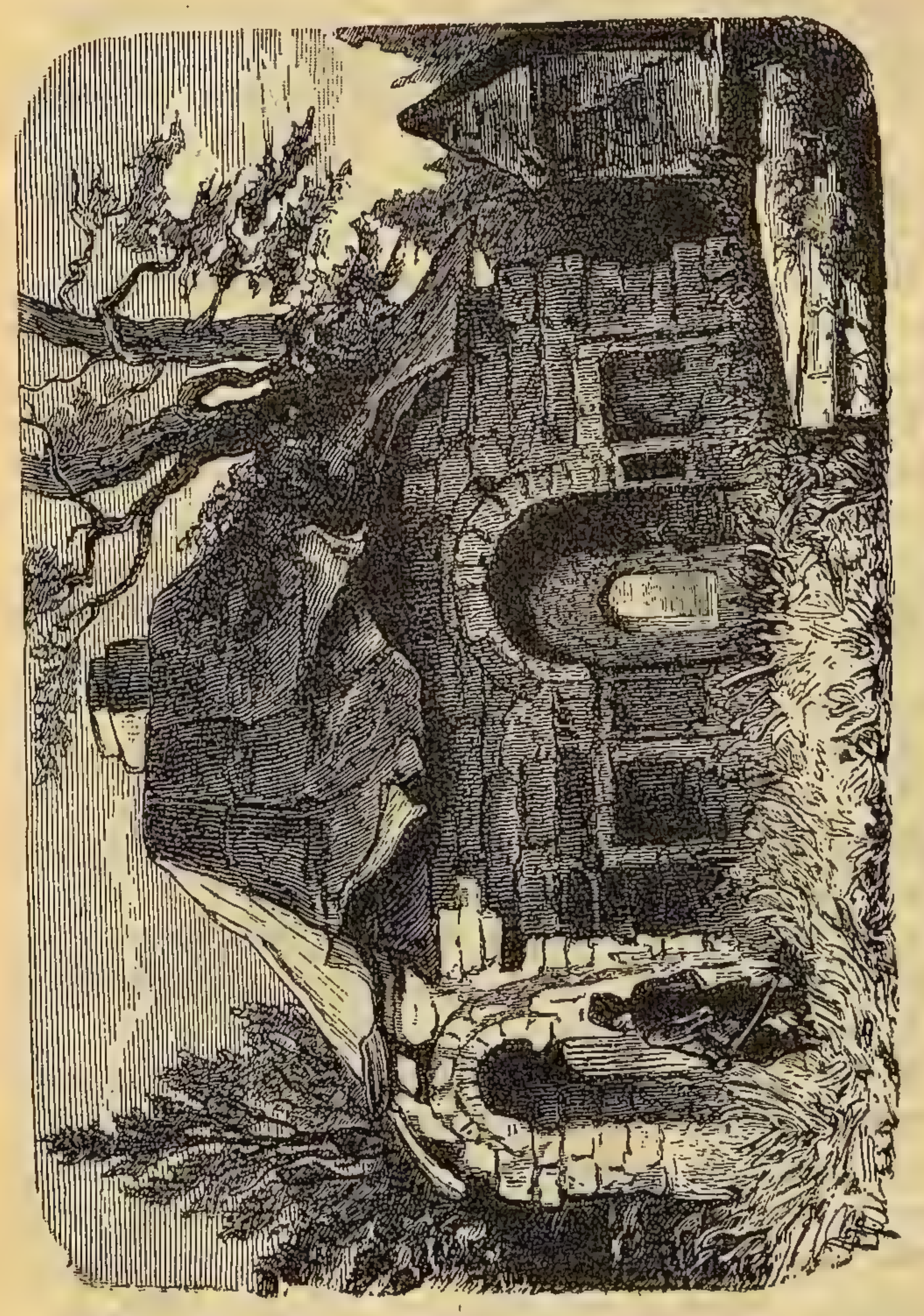
Меншиковъ — въ Батуринъ. А тамъ его какъ врага встрѣчаютъ, палятъ изъ пушекъ. Открылась тогда измѣна Мазепы, и Меншиковъ спѣшно пишетъ обо всемъ государю.

Въ неописанное изумленіе пришелъ Петръ „отъ нечаянной никогда злой измѣны гетманской“ и спѣшитъ принять крутыя мѣры, чтобъ разрушить замыселъ „гетмана-Іуды“.

Немедленно объявленъ царскій манифестъ всему малороссійскому народу и запорожскому войску о гнусномъ предательствѣ Мазепы, и призываетъ всѣхъ государь немедленно собраться для избранія новаго гетмана вольными голосами. Объявляетъ государь и разныя милости народу.

Меншиковъ съ войскомъ спѣшитъ въ укрѣпленный Батуринъ. Спѣшитъ и Мазепа со шведами на выручку своей столицы. Меншиковъ подоспѣлъ раньше. Батуринъ взятъ штурмомъ и выжженъ дотла. Казаковъ перебили и въ плѣнъ побрали. Забрали и богатую гетманскую казну, а огромные хлѣбные запасы пожгли, чтобъ не достались въ руки шведамъ. И весь этотъ разгромъ былъ сдѣланъ почти на глазахъ непобѣдимаго шведскаго войска, на глазахъ самого Мазепы.

— Злые и несчастливые наши начатки! — гово-



Остатки замка Мазепы.

рилъ Мазепа.—Видимо, что не благословляетъ Богъ намѣренія моего.

Не благословлялъ Богъ предательства Мазепы, не пошелъ за нимъ и народъ украинскій, не пошли и казаки,—всѣ остались вѣрными царю московскому,—единокровному и единовѣрному.

Въ Глуховѣ, по приказу царя, собралась великая рада. Новымъ гетманомъ избранъ единогласно Скоропадскій.

Пріѣхалъ въ Глуховъ митрополитъ кіевскій съ двумя архіереями и всенародно предалъ Мазепу проклятію.

Мазепа осужденъ и заочно повѣшенъ: изображеніе его палачъ тащилъ на веревкѣ по улицамъ и площади и на висѣлицѣ повѣсилъ передъ всѣмъ народомъ.

И въ Москвѣ гремитъ проклятіе измѣннику.

И по всей Малороссіи читаютъ по церквамъ и прибиваютъ къ церковнымъ дверямъ объявленіе отъ архіереевъ объ измѣнѣ Мазепы, и о томъ, что хотѣлъ онъ повернуть въ католичество народъ православный, за что и предаются проклятію и самъ измѣнникъ, и всѣ его единомышленники.

И вся Малороссія отшатнулась отъ Мазепы и осталась вѣрна московскому государю. Одни только запорожскіе казаки за Мазепу постоять рѣшились и отъ царя отшатнулись. Но Меншиковъ жестоко расправился съ ними: войско запорожское разбилъ, пушки и всѣ припасы забралъ, Сѣчь дотла разорилъ.

Тихо и спокойно по всей Украйнѣ. Неподвижны турки и татары. Ничего не слышно и о полякахъ. Всѣ какъ будто затаили дыханіе и ждутъ, чѣмъ окончится великое единоборство между Петромъ и Карломъ,—между Швеціей и Россіей.

Полтавская побѣда.

Не помогъ шведамъ Мазепа ни войскомъ, ни деньгами, ни припасами. А у русскихъ неожиданно объявился новый союзникъ — морозъ свирѣпый. Зима 1708 года стояла жестокая, съ трескучими морозами, такъ что птицы на лету мерзли. Плохо приходилось и русскимъ, но они были у себя дома. А шведы и безъ того и обносились, и оголодали въ чужой землѣ, и жестоко терпѣли и отъ русскаго войска, и отъ лютыхъ морозовъ.

Карлъ искалъ рѣшительной битвы; но Петръ все еще уклонялся, томилъ и изнурялъ врага, разбивалъ его по частямъ. Но и Петръ уже видѣлъ, что близка рѣшительная минута. — „Не чаю, — говорилъ онъ, — чтобъ безъ генеральной баталіи сія зима прошла; а сія игра въ рукахъ Божіихъ, и кто вѣдаетъ, кому счастіе будетъ!“

Но зима прошла безъ генеральной баталіи, хотя русскіе отряды и не одинъ разъ разбивали шве-

довъ, и тѣ еще больше прежняго истомились и обезсилѣли.

Прошла зима, и въ маѣ Карлъ осадилъ Полтаву. Крайне важно было для шведовъ взять этотъ укрѣпленный городъ: здѣсь было сложено много всякихъ запасовъ, да и мѣсто это — „зѣло важное“, какъ говорилъ Петръ. Въ Полтавѣ шведы спокойно могли ожидать себѣ подкрѣпленій изъ Польши и изъ Швеціи; отсюда имъ открывался путь и дальше внутрь Россіи.

Шведы нѣсколько разъ жестоко на городъ нападали; но осажденные храбро ихъ отражали. Помогали осажденнымъ и наши войска, и Меншиковъ много разъ сильно разбивалъ шведовъ. Карлъ собралъ подъ Полтаву всѣ свои силы. Поспѣшно стягиваются сюда съ разныхъ сторонъ и наши отряды. И вотъ, наконецъ, два войска, какъ двѣ стѣны, стали супротивъ другъ друга. — „Сошлись близко съ сосѣдями, — говорилъ Петръ, — и съ помощіею Божіею, будемъ, конечно, въ семъ мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть“.

Какъ и при Нарвѣ, при первой своей встрѣчѣ, эти два войска совсѣмъ были не похожи одно на другое, — только ролями своими они за эти восемь лѣтъ совсѣмъ обмѣнялись.

Шведское войско страшно изнурено и упало духомъ, не видя и конца походамъ и битвамъ. Всѣ страстно желали мира и возвращенія домой. Порядка въ войскѣ больше нѣтъ; солдаты не слушаются офицеровъ, когда тѣ требуютъ отъ нихъ

новыхъ трудовъ, призываютъ идти на новыя опасности. Только Карлъ попрежнему безразсудно отваженъ и безъ нужды подставляетъ свою голову подъ вражескія пули. Но эта отвага ужъ не ободряетъ больше солдатъ. — „Онъ ищетъ смерти,— говорятъ они, — потому что видитъ впереди дурной конецъ". И генералы не одобряютъ распоряженіи короля и совѣтуютъ ему отступить отъ Полтавы и вернуться въ Польшу, чтобъ подкрѣпить тамъ свое войско.

— Если бы Самъ Богъ послалъ ангела съ неба и приказалъ мнѣ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ, — отвѣчаетъ на это Карлъ.

Совсѣмъ не то было въ русскомъ войскѣ. Оно— у себя дома, во всемъ обезпечено и хорошо вооружено. Оно во главѣ съ царемъ, неустаннымъ работникомъ, защищаетъ свою родину и послушно волѣ своего вождя. За восемь лѣтъ войны полководцы и солдаты возмужали въ ратномъ искусствѣ, превзошли ужъ своихъ „учителей", научившись у нихъ побѣдамъ. И въ чужихъ земляхъ уже говорятъ, что русскіе солдаты — лучшіе во всемъ мірѣ. Все войско, какъ и самъ государь, не хочетъ ужъ больше отступать, — всѣ желаютъ генеральной битвы.

Изъ Полтавы дали знать, что порохъ осажденные почти весь изстрѣляли и долго держаться не могутъ. И Петръ на совѣтѣ съ полководцами своими рѣшилъ дать шведамъ генеральную битву— 27 іюня.

Какъ разъ передъ этой рѣшительной битвой Карлъ получилъ тяжелую рану въ ногу. Поѣхалъ онъ ночью осматривать русскій лагерь и нечаянно наткнулся на партію казаковъ. Сидятъ безпечно казаки передъ разведеннымъ костромъ и ведутъ мирную бесѣду. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ казаковъ падаетъ замертво. Это Карлъ не вытерпѣлъ: сошелъ съ коня и выстрѣлилъ въ казака. Мигомъ вскочили казаки, и три ружейныхъ выстрѣла разомъ грянули въ ту сторону, гдѣ стоялъ Карлъ. Тутъ онъ и былъ раненъ въ ногу, такъ что и на коня не могъ сѣсть, и командовать войскомъ не могъ въ такое важное время.

Насталъ роковой день 27-го іюня 1708 г. Раннимъ утромъ и русское, и шведское войска готовятся къ битвѣ.

Русскіе полки, помолившись Богу, слушаютъ наказъ государя: „Воины! пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Не думайте, что вы готовитесь за Петра сражаться: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную. Не бойтесь непріятеля: вы его ужъ много разъ побѣждали. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего. А о Петрѣ знайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

И шведскому войску читали приказъ короля. Карлъ напоминалъ воинамъ о прежнихъ побѣдахъ и обѣщалъ имъ послѣ битвы роскошное уго-

щеніе въ шатрахъ московскаго царя и покойныя квартиры въ Москвѣ.

И слово Петра о самомъ себѣ, и обѣщаніе Карла объ угощеніи въ царскихъ шатрахъ оправдались въ тотъ же день. Петръ во время битвы доказалъ на дѣлѣ, что благополучіе Россіи для него дороже жизни. Исполнилось и обѣщаніе Карла: его генераламъ пришлось пировать въ этотъ день въ шатрахъ московскаго царя...

Войска готовы къ битвѣ. Шведы первыми пошли на русскихъ. Закипѣлъ отчаянный бой. Петръ распоряжается въ самомъ огнѣ. У него прострѣлена шляпа. Подъ нимъ пробито пулей сѣдло. Колеблются шведы. А больного Карла возятъ межъ солдатскими рядами въ коляскѣ. Пушечное ядро ударило въ коляску, и король повалился на землю. Солдаты думаютъ, что король убитъ. Ужасъ овладѣлъ полками. Дрогнули солдаты. Назадъ побѣжали. Король велитъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики. И тутъ онъ увидѣлъ всеобщее бѣгство своихъ. „Шведы! шведы!“ — въ отчаяніи кричитъ король. Но шведы уже ничего не слышатъ во всеобщемъ бѣгствѣ.

„Хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, — говоритъ Петръ, — однакожъ, все то дѣло долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и наше войско съ такою храбростью опрокинуло шведовъ, что они ни единожды потомъ не остановились. Фельдмаршалы и генералы со многими

полковниками и офицерами и съ тысячами рядовыхъ солдатъ съ ружьями и лошадьми въ полонъ отдались. И тако милостію Божіею совершилась викторія надъ гордымъ непріятелемъ съ легкимъ для насъ трудомъ и малымъ урономъ нашихъ войскъ. При семъ же и то вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія была въ бою съ непріятелемъ, а другая до того бою не дошла“.

Такъ генеральная битва съ гордыми и непобѣдимыми шведами окончилась для насъ счастливо; восьмилѣтніе неустанные труды государя, его сотрудниковъ и всего русскаго войска вознаградились. Совершилось великое дѣло на пользу отечества.

Усталые, но счастливые,—царь, генералы, офицеры и все войско, послѣ благодарственнаго молебна, садятся обѣдать. Солдаты — подъ открытымъ небомъ, государь съ вождями — въ шатрахъ. Всѣ веселы, радостны, счастливы. Нѣтъ больше вражды, ожесточенія, злобы къ врагу. Всѣхъ сюда, на свѣтлый царскій пиръ, — и своихъ, и бывшихъ враговъ! И шведскихъ плѣнниковъ — фельдмаршала и генераловъ — усадили съ почетомъ за царскій столъ. Петръ ласкаетъ ихъ, хвалитъ за храбрость, даритъ фельдмаршалу свою шпагу. Побѣдно гремятъ пушки, гудятъ полтавскіе колокола, неудержимыми взрывами раскатывается по всему полю многотысячное „ура“. Царь провозглашаетъ здравицу за благоденствіе отечества, за

вождей русскаго войска, за храбрыхъ солдатъ, и, наконецъ, — за учителей своихъ въ искусствѣ военномъ.

— Кто же это учителя ваши? — спрашиваетъ шведскій фельдмаршалъ.

— Вы, господа шведы! — отвѣчаетъ ему Петръ.

— Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей! — замѣчаетъ фельдмаршалъ.

На радостяхъ совсѣмъ позабыли объ остаткахъ шведскаго войска, бѣжавшаго съ поля битвы. Меншиковъ погнался за бѣглецами въ погоню и скоро настигъ разстроенные ряды. Сдались въ плѣнъ безъ боя — со всѣмъ оружіемъ и запасами. Только Карлъ съ Мазепой и небольшою свитой уѣхали впередъ и скрылись въ турецкихъ владѣніяхъ.

На Полтавскомъ полѣ выкопаны огромныя могилы. Въ присутствіи царя, вождей и всего войска отслужены панихиды и провозглашена вѣчная память храбрымъ братьямъ-воинамъ, отдавшимъ жизнь свою за родину, за друзей своихъ. Съ великою честію похоронили мертвыхъ.

Торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ за славную побѣду. При громѣ пушекъ провозглашено многолѣтіе царю-государю и всему воинству русскому. Послѣ молебна объявлены царскія награды. Фельдмаршалу Шереметеву пожалованы „великія деревни“. Меншиковъ объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ. Генераловъ одарилъ государь деревнями и орденами. Всѣхъ офицеровъ пожаловалъ высшими чинами, золотыми



Медаль, выбитая въ память Полтавской битвы.

портретами своими и медалями. Солдатамъ пожалованы серебряныя медали и деньги.

Напослѣдокъ всего, генералы, офицеры и солдаты благодарили государя за его милости и просили его, чтобъ онъ за всѣ труды свои изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ генерала, а на морѣ — вице-адмирала. Безъ лести, отъ чистаго сердца награждало войско своего вождя-товарища и перваго во всемъ работника. Съ великою радостью принялъ Петръ эту заслуженную имъ награду отъ своихъ подданныхъ.

Пришли отъ царя вѣсти и въ Москву о славной и неслыханной доселѣ викторіи, и начались въ старой столицѣ великія торжества. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и церевна Наталья Алексѣевна угощали пирами знатныхъ особъ, — русскихъ и иностранныхъ. Устраивались пиры и у знатныхъ вельможъ, и пировали къ ряду много дней. Не только въ домахъ, но и передъ домами на улицахъ во многихъ мѣстахъ стояли накрытые столы: угощали народъ, угощали плѣнныхъ шведовъ — кушаньями, виномъ, водкою, пивомъ, медомъ. По вечерамъ горѣли на улицахъ потѣшные огни. Пушечная пальба и колокольный звонъ гудѣли восѐмь дней къ ряду. Во всѣ эти дни, какъ на Свѣтлой недѣлѣ, позволено было звонить не мужчинамъ только, но и женщинамъ и дѣвицамъ.

Такъ радостно и торжественно всѣ праздновали славную Полтавскую побѣду — царь и войско, Москва и вся Россія. Тяжкая для всѣхъ война со

славою окончена, отдохнетъ и войско, и народъ. Больше всѣхъ радовался государь, и лучше всѣхъ онъ зналъ, какія выгоды принесетъ эта побѣда для всей Россіи. „Нынѣ уже, съ помощію Божіею, совершенно положенъ камень въ основаніе С.-Петербурга“, — новой русской столицы.

Но этого еще мало. На Полтавскомъ полѣ побѣдилъ государь не только шведовъ, но и всѣхъ домашнихъ недруговъ своихъ, — противниковъ европейскихъ новшествъ. Всѣ воочію теперь видятъ, что иноземныя новшества принесли съ собой Россіи непобѣдимую силу и великую всесвѣтную славу. И теперь государю уже меньше будетъ помѣхи вводить въ Россіи еще новые и новые иноземные порядки для пользы всего народа.

Перемѣнилась въ своихъ мысляхъ о Россіи и западная Европа, повернулась она къ намъ лицомъ, съ уваженіемъ и страхомъ на насъ смотритъ; иные дружески протягиваютъ намъ руку, другіе тайно и явно строятъ намъ козни. Просвѣщенные люди радуются, что могучій государь ведетъ свой народъ изъ мрака къ свѣту. Польскіе вельможи поздравляютъ Петра со славной побѣдой и просятъ его вернуть къ нимъ законнаго короля (Августа), низвергнутаго Карломъ. Поздравляютъ Петра и короли датскій, французскій и прусскій и предлагаютъ ему вступить въ союзъ съ ними. А Голландія съ Англіей пышутъ противъ насъ злобой, „двигаютъ небо и землю“, чтобъ помѣшать намъ

утвердиться на Балтійскомъ морѣ, опасаясь, что мы повредимъ имъ въ торговлѣ.

Такъ полтавская побѣда ввела русскихъ въ семью европейскихъ народовъ, прославила Петра въ чужихъ земляхъ и дома, и упрочила иноземныя новшества въ Россіи.

Новые успѣхи на сѣверѣ.

Напрасно надѣялись въ Россіи, что полтавской побѣдой окончится тягостная война и наступитъ миръ желанный. Не хотѣлъ войны и государь: не искалъ онъ побѣдной славы, а желалъ одного—утвердить Россію на берегахъ Балтійскаго моря для пользы всего народа. Но шведы не хотятъ съ нами мириться и все еще не покидаютъ надежды отнять назадъ морское побережье. Такъ волей-неволей и приходится Петру и отбиваться отъ шведовъ, и прочнѣе обезопасить отъ нихъ свою новую столицу, свой рай земной, — дорогой Петербургъ.

Русское войско съ успѣхомъ отражаетъ нападенія шведовъ, съ успѣхомъ отнимаетъ у нихъ и новые города, и цѣлыя земли.

Взяли Выборгъ (1710 г.), и Петръ назвалъ его „крѣпкою подушкой Петербургу“. Завоевали корельскую землю. Заняли Ригу и Ревель, Перновъ

и Аренсбургъ (на островѣ Эзелѣ). — Не терялъ даромъ времени Петръ, пока Карлъ XII въ Турціи „завязъ“.

Десять лѣтъ ужъ тянется эта тяжкая война; десять уже лѣтъ Россія молодая напрягаетъ свои силы въ бореньѣ съ соперникомъ сильнымъ. Судьба



Рига временъ Петра Великаго.

судила, чтобы эта страдная пора продолжалась и еще столько же лѣтъ.

А Карлъ все еще въ Турціи понапрасну тратитъ время, чтобъ поднять султана противъ Россіи. Наконецъ, и онъ явился на защиту своихъ владѣній.

Но несчастный король явился лишь для того, чтобы убѣдиться, какъ прочно укрѣпились русскіе на побережьѣ Балтійскаго моря.

Конецъ войны со шведами.

Видитъ Карлъ XII, наконецъ, что ему не справиться съ врагами.

Начались переговоры о мирѣ (1717 г.) Дѣло совсѣмъ-было ужъ подходило къ концу, но въ это время Карлъ погибъ насильственною смертію.

Шведскіе вельможи захватили власть въ свои руки, и война возобновилась.

Наши войска высадились на берега Швеціи и, по обычаямъ того времени, разоряли и жгли города и селенія и подошли, наконецъ, близко къ самой столицѣ. А у шведовъ нѣтъ силы оказать сопротивленіе, и дольше бороться они не могутъ.

Вновь начались переговоры. И давно желанный миръ заключенъ былъ, наконецъ, въ Ни-Штадтѣ (1721 г.). Швеція навѣки уступила Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кореліи и часть Финляндіи.

Такъ и исполнилось, наконецъ, завѣтное желаніе московскихъ царей: Россія пробилась къ морю и твердою стопою стала на немъ.

Долголѣтніе труды русскаго народа и его великаго вождя не пропали даромъ: великія жертвы народныя вознаграждены и небывалою еще для Россіи славою, и неисчислимыми навѣки выгодами.

Радовался свѣтлою радостью державный плотникъ корабельный и знаменитый шкиперъ, что такъ блистательно окончилъ вмѣстѣ съ народомъ своимъ курсъ ученія, хоть и длился этотъ курсъ двадцать одинъ годъ, — втрое дольше положеннаго для школьниковъ времени. Успѣшно прошли русскіе люди, по его собственнымъ словамъ, „троевременную школу, столь кровавую и жестокую, и весьма опасную, и нынѣ такой миръ получили незаслуженною отъ Бога милостію“.

Радовалась вмѣстѣ съ царемъ и вся Россія.

Праздникъ мира.

Четвертаго сентября (1721 г.) весь Петербургъ пришелъ въ необычайное волненіе.

Царь неожиданно воротился изъ морской поѣздки, плыветъ по Невѣ и каждую минуту стрѣляетъ изъ пушекъ. Трубачъ при немъ во всю мочь радостно трубитъ. Все судно изукрашено флагами.

Что все это значитъ? Что случилось?

Миръ!

Толпы народа собираются у Троицкой пристани.

Съѣзжается вся знать, — духовные и свѣтскіе. Громкими, радостными криками привѣтствуютъ всѣ радостнаго государя.

Царь идетъ со всѣми въ Троицкій соборъ къ молебну.

Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить царя въ такую радостную и торжественную минуту: генералъ-адмиралъ и министры просятъ государя принять высшій чинъ адмирала.

На Троицкой площади ужъ приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ. Посрединѣ устроено возвышенное мѣсто. На него всходитъ Петръ. Замерла вся людная площадь; всѣ знаютъ уже, что скажетъ онъ, но каждому хочется еще и еще слушать добрую вѣсть. Царь радостно и громко говоритъ народу:

„Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ съ Швеціей счастливый вѣчный миръ!“

Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье всего русскаго народа.

Вся площадь гремитъ криками: „Да здравствуетъ государь!“

Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы. Полки солдатъ на площади палятъ изъ ружей.

По всему городу ѣздятъ драгуны, съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, съ знаменами и лавровыми вѣтвями. Передъ ними трубачи. Драгуны

громко выкрикиваютъ на площадяхъ и перекресткахъ радостную вѣсть о мирѣ.

Къ десятому числу изготовленъ потѣшный маскарадъ изъ тысячи масокъ. Маскарадная потѣха продолжается цѣлую недѣлю. Петръ на ряду со всѣми веселится, какъ ребенокъ, — пляшетъ, пѣсни поетъ.

Вторичное церковное торжество назначено на 22-е октября. За день до этого Петръ пріѣзжаетъ въ Сенатъ и объявляетъ милости народу, — прощаетъ виноватыхъ, слагаетъ долги и недоимки, накопившіеся за время войны.

А Сенатъ въ тотъ же день рѣшаетъ воздать и Петру честь по заслугамъ отъ имени всего государства.

22-го октября царь со всѣми сенаторами, министрами, со всею знатью—въ Троицкомъ соборѣ, переполненномъ и народомъ. И вокругъ собора толпы народа и стройные ряды войска.

По окончаніи торжественной службы прочитанъ мирный договоръ со шведами.

Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ проповѣдь, въ которой краснорѣчиво описалъ всѣ знаменитыя дѣла государя и въ заключеніе сказалъ, что отнынѣ онъ достоинъ называться Отцомъ отечества, Императоромъ и Великимъ.

По окончаніи проповѣди подходятъ къ Петру сенаторы, и старѣйшій изъ нихъ, канцлеръ графъ Головкинъ, говоритъ рѣчь государю:

„Вашего царскаго величества славными воин-

скими и политическими дѣлами, неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта и, тако рещи (такъ сказать), изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены; и того ради како мы возможемъ за то по достоинству возблагодарить васъ! Однакожъ, да не явимся тщетными въ зазоръ всему свѣту: дерзаемъ мы, именемъ всего Всероссійскаго государства, молити, да благоволите отъ насъ пріяти титулъ Отца отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго. Виватъ, виватъ, виватъ, Петръ Великій, Отецъ отечества, Императоръ Всероссійскій!"

За канцлеромъ Головкинымъ прокричали три раза „виватъ!" и всѣ сенаторы, а за ними повторили этотъ крикъ и весь народъ въ церкви и внѣ церкви, и все войско. Загудѣлъ колокольный звонъ, загремѣли трубы и литавры, затрещала ружейная пальба, загрохотали пушки.

„Должно всѣми силами благодарить Бога,— отвѣчалъ на привѣтствія новый императоръ, — но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ дабы не имѣть жребія монархіи греческой. Надлежитъ стараться о пользѣ общей внутри и внѣ отчего народъ получитъ облегченіе" *).

---

*) Не одинъ разъ и московскимъ царямъ, и Петру совѣтовали принять на себя титулъ „Императора Восточнаго"; но Петръ рѣшительно отвергнулъ эту ветошь и принялъ титулъ Импера-

За новою столицею радостно и торжественно отпраздновали славный миръ и въ Москвѣ, и во всей Россійской Имперіи, возвеличенной трудами государя и всего народа русскаго.

Плоды побѣдъ.

Неисчислимы тѣ выгоды, какія пріобрѣла Россія отъ славныхъ побѣдъ и мира со Швеціей. Огромны и тѣ послѣдствія, которыя произошли отъ этихъ побѣдъ, для всей послѣдующей жизни не только Россіи, но и всей Европы.

Назовемъ здѣсь хотя самые главнѣйшіе плоды побѣдъ.

1. Съ древнѣйшихъ временъ стремилась Русь къ берегамъ моря Балтійскаго, доходила до нихъ и опять отступала подъ давленіемъ разныхъ невзгодъ. Обладаніе этими берегами стало, наконецъ, завѣтнымъ сремленіемъ московскихъ царей. И этотъ завѣтъ принялъ на себя Петръ, какъ дорогое отчее наслѣдство, и осуществилъ въ такой мѣрѣ, въ какой никто и не чаялъ.

Возвративъ себѣ на западной окраинѣ древнее свое достояніе и завоевавъ еще новыя области

тора Всероссійскаго; тѣмъ самымъ онъ раздѣлилъ свою славу съ роднымъ народомъ и отдалъ народу должное ему уваженіе.

морского побережья, Россія дошла на Западѣ до своихъ природныхъ границъ. А такія границы, какъ моря и горы, служатъ для государства лучшимъ оплотомъ отъ завистливыхъ и безпокойныхъ сосѣдей.

2. Морскія границы и тѣмъ еще выгодны для народа, что открываютъ готовые и вольные пути для торговли. А отъ торговли народъ богатѣетъ, становится дѣятельнѣе, предпріимчивѣе, перестаетъ быть неповоротливымъ домосѣдомъ. И чѣмъ больше у народа морского побережья, чѣмъ извилистѣе это побережье, чѣмъ больше на немъ малыхъ заливовъ и глубокихъ бухтъ, тѣмъ это лучше для торговли, выгоднѣе для народа.

3. Балтійское море для сѣверо-западной Европы то же, что для южной и юго-западной Средиземное: на него сходятся всѣ сѣверо-западныя государства, черезъ него можно сообщаться и съ народами всего міра.

Открывъ для Россіи Балтійское побережье, Петръ далъ русскимъ возможность знакомиться и дружиться со всѣми просвѣщенными народами Европы и всего міра.

4. Всѣ мы знаемъ, что „съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься“ и что „хорошее знакомство въ прибыль намъ“. Примѣромъ тому служитъ самъ Петръ.

Такъ и для цѣлаго народа близкое знакомство съ просвѣщенными народами приноситъ великую пользу какъ матеріальную, такъ и духовную.

Знакомясь съ просвѣщенными народами, мы узнаемъ отъ нихъ много новаго, добраго и умнаго, полезнаго для насъ, учимся, перенимаемъ, примѣняемъ къ своей жизни, и жизнь свою устраиваемъ лучше прежняго.

Такъ, при первыхъ кіевскихъ князьяхъ, черезъ торговлю мы сблизились съ просвѣщенными греками и научились отъ нихъ и вѣрѣ христіанской, и грамотѣ, переняли многіе законы и полезныя искусства.

Татарское иго оторвало насъ отъ общенія съ просвѣщенными народами и поставило лицомъ къ лицу съ дикими азіатами. Западные сосѣди наши шли безъ задержки впередъ и впередъ въ своемъ развитіи, матеріальномъ и духовномъ, а русскій народъ остановился, бѣднѣлъ и перенималъ многое грубое отъ азіатовъ.

Къ петровскому времени западно-европейскіе народы стали старше насъ въ своемъ развитіи больше чѣмъ на два вѣка. Они перешли уже въ зрѣлый возрастъ, а мы все еще въ младшемъ оставались, хотя природныхъ способностей у насъ и не меньше другихъ было.

И до Петра лучшіе русскіе люди хорошо понимали, что надо намъ учиться у западно-европейскихъ народовъ, и учились, и перенимали понемногу все доброе и хорошее; но близкому общенію съ ними многое намъ мѣшало.

И вотъ теперь, напрягая всѣ свои силы, Россія

молодая мужала съ геніемъ Петра, стремилась сравняться съ Европой.

Завоевавъ побережье Балтійскаго моря, Петръ тѣмъ самымъ „въ Европу прорубилъ окно“ и распахнулъ дверь, чтобы свѣтъ наукъ, искусствъ и лучшихъ порядковъ свободно проходилъ бы къ намъ, чтобы свободно и удобно было и намъ выходить въ Европу, и къ намъ изъ Европы приходить. Такъ и установится у русскаго народа живая и добрая связь съ просвѣщенными европейскими народами, и научимся мы отъ нихъ многому, и получимъ отъ этого и матеріальныя, и духовныя выгоды.

5. Но не все же мы будемъ только учениками. Перейдетъ русскій народъ въ зрѣлый возрастъ, сравняется со старшими братьями своими, и заживетъ общей съ ними жизнью. Доброе общеніе народовъ порождаетъ, такимъ образомъ, новыя силы, умножаетъ силы для общаго мирнаго преуспѣянія.

Великія побѣды Петра открыли Европѣ новыя русскія силы, ввели въ семью возмужалыхъ европейскихъ народовъ новый могущественный, хотя еще и молодой, русскій народъ. Выраcтетъ этотъ народъ, возмужаетъ, и самъ внесетъ въ общую міровую жизнь и свой вкладъ, свое разумное и доброе.

6. Могущественный народъ, какъ и сильный, но необузданный человѣкъ, стремится наложить на всѣхъ сосѣдей свою мощную руку, чтобъ поживиться на ихъ счетъ, а подчасъ и обобрать ихъ. Такими властными государствами въ юго-западной

Европѣ были тогда Австрія и Франція, а на сѣверѣ — Швеція. Своекорыстно властвуя во всей Европѣ, они притѣсняли слабыя государства, обирали ихъ. Стараясь перетянуть силу-власть на свою сторону, они постоянно враждовали межъ собою, пользовались всякими средствами, чтобъ ослабить другъ друга. Хуже всего приходилось отъ этого народамъ и государствамъ малосильнымъ.

Россія стояла тогда въ сторонѣ, особнякомъ ото всѣхъ. Германцы, французы и англичане считали ее азіатскимъ, а не европейскимъ народомъ, смотрѣли на нее съ презрѣніемъ. Малосильна была Россія, и съ нею не церемонились. Европейскіе торговые люди обогащались на счетъ русскихъ, Швеція и Польша захватили себѣ ея области.

Швеція, особенно же нѣмцы, а отчасти и французы, старались наложить свою руку и на Польшу, и успѣвали въ этомъ, потому что Польша уже умирала въ это время отъ своихъ внутреннихъ неурядицъ.

Всѣ другіе славянскіе народы находились въ полномъ порабощеніи у Турціи и Австріи; иные изъ нихъ уже стали забывать и про то, что они славянскаго племени. Германское и романское племена считали себя господами въ Европѣ, а славянъ ставили ни во что, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ.

Своими побѣдами Петръ заставилъ Швецію возвратить прежнимъ хозяевамъ захваченное у нихъ имущество, поставилъ ее въ ея собственныя при-

родныя границы, и теперь уже не Швеція, а Россія стала могущественнымъ государствомъ сѣверной и восточной Европы.

Россія входитъ теперь равноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ государствъ. Безнаказанно обидѣть ее теперь никто не можетъ. Ея голосъ за себя и за другихъ теперь всѣ услышатъ. При спорахъ и раздорахъ,—на чью сторону станетъ Россія, тотъ и одержитъ верхъ. Она будетъ теперь наравнѣ съ другими рѣшать вопросы общеевропейскіе, какъ для нея самой, такъ и для другихъ народовъ одинаково важные.

И теперь уже европейскіе государи ищутъ союза съ Петромъ, а послѣ Петра,—при Екатеринѣ II, при Александрѣ I и послѣдующихъ русскихъ государяхъ—голосъ Россіи займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ сложномъ хорѣ европейскихъ государствъ, и ни одинъ общеевропейскій вопросъ не будетъ рѣшенъ безъ Россіи.

Такъ, своими побѣдами Петръ Великій и ввелъ Россію въ семью *политическихъ* государствъ Европы.

7. Разсчитавшись съ Швеціей, Петръ приблизилъ и окончательный разсчетъ Россіи съ Польшей.

„Уже давно между собою враждуютъ эти племена: не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона“. Во времена нашихъ невзгодъ отошли во власть Польши огромныя русскія области съ православнымъ русскимъ населеніемъ и жили въ большомъ угнетеніи. Польша владѣла землями „отъ моря до моря“, и почти весь Днѣпръ съ зе-

млями по обѣ стороны былъ польскою рѣкою. Въ годины смуты-лихолѣтья польскій король ужъ протянулъ свою властную руку, чтобы возложить на себя вѣнецъ царей московскихъ. Михаилъ Θеодоровичъ въ тѣсномъ союзѣ со всѣмъ народомъ русскимъ сократилъ эти притязанія. При Алексѣѣ Михайловичѣ отошла къ Россіи отъ Польши огромная русская область — Малороссія, и Петръ окончательно закрѣпилъ ее за Россіей. И потомъ отъ внутреннихъ неурядицъ Польша слабѣла съ каждымъ годомъ и подчинялась чуждымъ вліяніямъ.

Стремясь довести Россію лишь до ея природныхъ границъ, Петръ не думалъ о захватахъ въ польскихъ земляхъ. Но для Россіи важно было, чтобы сосѣдняя съ нами и родственная по племени Польша не подчинилась враждебнымъ Россіи вліяніямъ, и Петръ заботливо не допускалъ этихъ чуждыхъ намъ вліяній. Если Польша не можетъ уже болѣе управляться самостоятельно, то она должна подчиняться вліянію одной Россіи, быть ей одной послушной. Россія станетъ теперь покровительствовать русскимъ, подвластнымъ Польшѣ.

При Екатеринѣ II и всѣ русскія области съ православнымъ населеніемъ отойдутъ отъ Польши къ Россіи.

8. Одолѣвъ Швецію, подчинивъ своему вліянію Польшу, Петръ показалъ силу Россіи и третьему исконному нашему врагу — туркамъ съ подвластными имъ крымскими татарами, которымъ съ этого времени мы не платимъ ужъ больше позорной

дани. Пускай Россія отказалась отъ завоеванія на побережьѣ Азовскаго и Чернаго морей. Она теперь сильна и внутри у себя, и у сосѣдей, и въ западной Европѣ. Побережье Азовскаго и Чернаго морей съ Кавказскими горами — природная граница Россіи, и дойти до этой естественной границы дѣло лишь времени. При Екатеринѣ II займетъ Россія политыя русской кровью южныя степи, займетъ Крымъ и утвердится прочно на всемъ сѣверномъ черноморскомъ побережьѣ.

9. Видятъ силу Россіи и турки, и порабощенныя ими единоплеменныя намъ славянскія племена, и единовѣрные съ нами православные народы. И прежде, при царяхъ московскихъ, они съ надеждою смотрѣли на Россію и ждали отъ нея одной избавленія отъ тяжкаго и позорнаго рабства. Покровительствовали имъ цари московскіе, какъ могли, и деньгами помогали. Теперь же надежда у этихъ народовъ возросла и укрѣпилась, и твердо вѣрятъ они, что могучая, единокровная и единовѣрная Россія освободитъ ихъ отъ рабства, призоветъ къ новой самостоятельной жизни и поставитъ славянство на почетное мѣсто въ Европѣ. Не безъ пользы будетъ это и для Россіи: въ славянахъ она пріобрѣтетъ естественныхъ союзниковъ себѣ.

И преемники Петра оправдали эти надежды. Славянское племя, во главѣ съ Россіей, занимаетъ теперь почетное мѣсто въ Европѣ, наравнѣ съ германскимъ и романскимъ племенами. И впредь каждое изъ этихъ племенъ будетъ свободно развивать

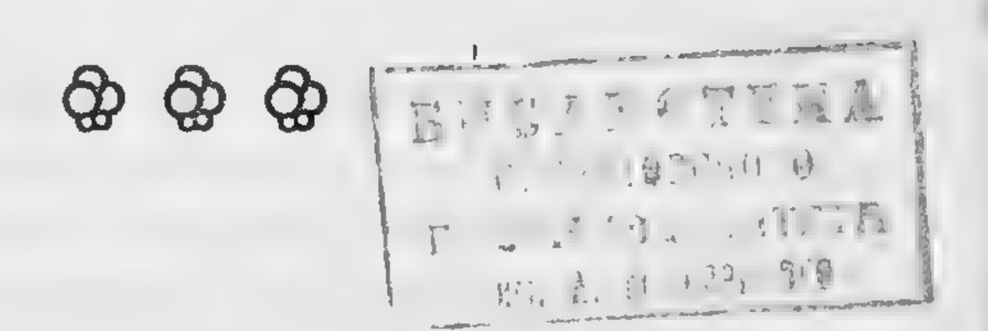
свои природныя силы и внесетъ въ общую духовную сокровищницу Европы свои таланты, свой генiй — на благо всего мiра.

Такъ Петръ въ союзѣ съ народомъ своимъ и исполнили вѣковые завѣты предковъ. Многое доведено до конца, многое только начато, и указаны лишь широкiе и прямые пути для дальнѣйшихъ трудовъ. И генiальный Петръ, и могучiй народъ русскiй показали себя достойными другъ друга.

Тяжки были эти труды и жертвы, которые подняли на свои плечи царь и народъ, но столь же велики и плоды. Велики и благотворны эти плоды для Россiи, значительны и важны они и для всей Европы.

Правильно сказали современники Петра, что онъ ввелъ русскiй народъ въ общество политическихъ народовъ, и прославилъ его, и призвалъ къ новой жизни. И мы вмѣстѣ съ ними съ благодарностiю скажемъ: Виватъ, виватъ, виватъ, Петръ Великiй, Отецъ отечества, Императоръ Всероссiйскiй!

Виватъ, виватъ, виватъ и могучiй русскiй народъ!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

